

14. Кандык кавказский	41. Первоцвет Рупрехта
15. Ландыш майский	42. Первоцвет холодный
16. Лук гусиный жёлтый	43. Примула крупночашечковая
17. Лук победный	44. Цикламен коумский
18. Лук медвежий	<i>Сем. Сложноцветные</i>
19. Мышиный гиацинт голубой	45. Мать-и-мачеха
20. Мышиный гиацинт кистевидный	46. Подбел гибридный
21. Пролеска двулистная	<i>Сем. Фиалковые</i>
22. Пролеска сибирская	47. Фиалка горная
23. Рябчик желтый	48. Фиалка кавказская
	49. Фиалка собачья

К вопросу об определении юго-западной границы ботанико-географической провинции Колхиды

С. М. Читанава
Институт ботаники АНА,
г. Сухум

Естественное ботанико-географическое районирование замкнутого флористического пространства является одной из наиболее сложных задач, стоящих перед ботанической географией, тем более, что речь идет о таком флористическом пространстве, которое характеризуется крайней расчлененностью рельефа. А ботанико-географическая провинция Колхида (Кузнецов, 1909) относится именно к такой категории сложности рельефа.

Существует множество схем фитогеографического районирования Кавказа (Медведев, 1907. Сосновский и Гроссгейм, 1928 и др.), в которых колхидская фитогеографическая единица (Западное Закавказье), благодаря особенностям ее флоры и растительности, наиболее четко ограничена от остальных фитогеографических единиц.

Своеобразие флористических комплексов Колхиды позволяет отделить ее от остальной части флоры Кавказа естественной границей – водораздельным Главным Кавказским хребтом, затем Месхийским горстом и, наконец, в южной части – хребтами Малого Кавказа, проходящими по границе Аджарии. Далее естественная граница ботанико-географической провинции Колхиды простирается на запад в понтийской части причерноморья. Это своеобразие флористических комплексов дает возможность не только четко отграничить Колхиду как фитогеографическую единицу, но и ясно представить себе свойства ей характерные особенности. А они таковы:

1. Колхидская фитогеографическая провинция Кавказа характеризуется тем, что основным и господствующим типом растительности является мезофильный тип лесной, субальпийской и альпийской растительности, с богато представленными древними элементами флоры, это выражено, прежде всего, в том, что одна треть ее представлена «живыми ископаемыми», т. е. эндемичными видами и даже родами.

2. Здесь на очень ограниченном пространстве вертикальная зональность образует амплитуду колоссального размаха: с одной стороны это приморская низменность, лежащая на уровне моря, а с другой стороны – горные вершины, высотой до 5000 м.

Не вдаваясь в подробности ботанико-географического районирования Колхиды, где А. А. Колаковским (1961) блестяще обозначены особенности флоры и растительности, отметим лишь некоторые соображения по определению юго-западной границы колхидской флористической провинции северного побережья Малой Азии. Основной причиной, побудившей начать данную работу, послужило:

Во-первых, то, что среди ученых по данному региону нет четкого представления о прохождении естественной юго-западной границы в понтийской части причерноморья, которая обнаружилась в процессе работы над монографической сводкой «Конспекта флоры Колхиды».

Во-вторых, Колхида, являясь одним из самых крупных рефугиумов в северном полушарии, и, как естественное фитогеографическое целое, должна иметь четкое естественное очертание, особенно в ее юго-западной части, и потому ревизия поднятого вопроса, по-нашему мнению, является вполне своевременной и целесообразной.

Прежде, чем перейти к изложению фактов, отметим, что в трудах многих русских и советских ботаников, в силу ряда причин Колхида понималась в пределах границ Советского Союза и даже в такой монографической сводке А. А. Колаковского, как «Растительный мир Колхиды».

Сходство растительности Западного Закавказья и северного побережья Малой Азии в своих работах подчеркивали Радде (1901), Гризобах (1872), Друдде (1887, 1889), Энглер (1879, 1903), Рикли (1913), а также русские ботаники Альбов (1888, 1893), Медведев (1907), Кузнецов (1909), Сосновский (1930), Гроссгейм (1928), Вульф (1926, 1929), Малеев (1930), Шишкин (1930) и Колаковский (1961). Это сходство, главным образом, состоит в сохранении основного ядра мезофильной флоры Колхиды. А по вопросу, на сколько простирается это основное ядро мезофильной флоры Колхиды на запад северного побережья Малой Азии, мнения ученых расходятся. Так, одни ученые в процессе разработок схем ботанико-географического районирования фитогеографическую провинцию Колхиды включали, то собственно в Средиземноморскую область, то в качестве подпровинции в кавказскую провинцию той же Средиземноморской области. Но, по мере изу-

чения флоры и растительности и накопления фактического материала, все более четко стали обозначаться флористические особенности Колхиды, среди которых первостепенное значение имел мезофильный характер флоры, который сформировался благодаря физико-географическим, почвенно-климатическим условиям и большому разнообразию экологических комплексов, что и способствовало сохранению реликтового характера в историческом плане.

Впервые о невозможности безоговорочного включения Западного Закавказья в Средиземноморскую область высказался ученый-ботаник Н. И. Кузнецов в работе «Элементы Средиземноморской области в Западном Закавказье». В этой работе автор дает подробный анализ флор Западного Закавказья и Средиземноморской области и приходит к выводу о необходимости выделения из последней в качестве «особой провинции Колхидской или Понтийской».

По мнению Н. И. Кузнецова, в Колхидской фитогеографической провинции имеется «большая флористическая общность со Средиземноморьем, но характер растительности иной, более мезофильный». Отличие Колхидской провинции от Средиземноморья «сильнее выражено в ее растительности, чем во флоре, и простирается от Туапсе до Синопа и до вершин пограничных горных хребтов, и в этих пределах она представляет обособленное и единое целое». Однако, такое утверждение Кузнецова среди современных ему исследователей было воспринято неоднозначно. Так, в 1893 г. Н.М. Альбов подверг резкой критике взгляды Н. И. Кузнецова. По мнению Н. М. Альбова, нельзя объединять такие различные во флористическом отношении области, «как береговая полоса Кавказа от Туапсе до Поти, от Поти до Трапезунда и от Трапезунда до Синопа». Но на самом деле можно объединить во флористическом отношении узкую береговую полосу, растительность которой тяготеет к средиземноморской области, и где с севера от Туапсе, к югу и юго-западу к Трапезунду и Синопу еще ярче вырисовывается средиземноморский характер растительности. А что касается предгорных склонов и пояса растительности выше, то она отлична от типичной средиземноморской, хотя есть отдельные вкрапления таковой в зависимости от экспозиции склонов, нарастающей к западу, что существенным образом не влияет на общий характер растительности. Аналогичные явления наблюдаются и в других регионах Колхиды. Например, в Аджарии, в бассейне реки Аджарисцкали в ее среднем течении в силу особенностей микроклиматических условий получают развитие ксерофильные группировки Средиземноморского типа таких растений, как *Astragalus sommieri*, *Cistus salvifolius* и др. или в Абхазии в районе сел Эшера, Мгудзырхуа, 18 км Рицинской трассы и на Каваклукской возвышенности, на обращенных к морю склонах также произрастают типичные представители Средиземноморской флоры: *Paliurus spina-christi*, *Punica granatum*, *Arbutus*

andrachne, *Erica arborea* и др. Эти местные отклонения, когда получают развитие растительные группировки Средиземноморских склерофилов, являясь островками среди преобладающей мезофильного типа растительности, не влияют на общий характер Колхидской флоры.

В своем резком суждении Н. М. Альбов опирался на факт распространения в окрестностях Трапезунда и дальше к западу «кустарникового леса», который он относил к «средиземноморскому маквису». А маквис в классическом варианте означает гемиксерофильную формацию низкорослых деревьев и кустарников, относящихся к типу вечнозеленых средиземноморских склерофилов. Как отмечал Б. К. Шишкин, вечнозеленый элемент «трапезундского маквиса», по Альбову, имеет подчиненное значение и состоит из характерных представителей мезофилов: *Rhododendron ponticum* L., *Ilex colchica* Poyar., *Laurocerasus officinalis* Roem., *Platyruscus colchicus* (Yeo) Khokhr. и др., которые в составе маквиса никогда не встречаются». Более того, особенностью колхидских лесов, кроме развития мезофильной лесной и горно-луговой растительности, еще и является развитие вечнозеленого подлеска, основные эдификаторы которого – вышеперечисленные растения.

Надо отметить, что по данным Гендель-Мацетти, «здесь (в окрестностях Трапезунда – С. Ч.) находится большой участок средиземноморской растительности, расположенный среди преобладающей в этом регионе растительности колхидского типа». Далее этот же исследователь приводит для нижнего лесного пояса и кустарниковых зарослей достаточно большой список растений, «из которых, по крайней мере, две трети общи с Западным Закавказьем».

Таким образом, по оценкам различных исследователей, основное ядро мезофильной флоры колхидского типа простирается на северном побережье Малой Азии вплоть до пролива Босфор, правда, к западу от Трабзона в приморском поясе характер растительности меняется с нарастанием гемиксерофильных средиземноморских элементов. В среднем и верхнем поясах, как уже было отмечено, на всем протяжении причерноморской части Малой Азии, на обращенных к морю склонах сохраняются леса колхидского типа с подлеском из *Rhododendron ponticum* L., *Ilex colchica* Poyar., *Laurocerasus officinalis* Roem., *Platyruscus colchicus* (Yeo) Khokhr. и др., характерных для флоры Колхиды видов. Таким образом, растительность более высоких поясов имеет «до крайнего запада Анатолии, хотя и несколько обедненный, но все же ясно выраженный колхидский характер», так же, как и на южном склоне Большого Кавказа к востоку от Туапсе (Фишт, Оштен, Лаго-Наки), что еще раз может служить дополнительным подтверждением правильности выделения А. А. Колаковским в пределах Голарктики Средиземногорной области.

В заключение, надо отметить, что для Колхиды в целом характерно покрытие от уровня моря мезофильной лесной и горно-луговой растительностью, относящейся по спектру поясности к поясности океанического (морского) типа (Еленевский, 1940; Станюкович, 1955; Лавренко, 1958). Причем степень мезофильности растительности варьирует в прямой зависимости от экспозиции склонов, характера рельефа и почвы. Этим закономерностям подчинена и флора северного склона Понтийского хребта причерноморской части Турции, хотя бы до окрестностей Самсуна, как северная, центральная и южная Колхида.

Исходя из вышеизложенного и опираясь на проведенный фитогеографический и флористический анализ, считаем:

а) нецелесообразным оставлять юго-западную границу фитогеографической провинции Колхиды в тех пределах (окрестностях Трабзона), которые приняты на данном этапе в ботанической географии;

б) необходимо продолжать работу в этом направлении по накоплению достаточного материала для более обоснованного обозначения контуров границ юго-западной части Колхиды, в причерноморской части М. Азии, которая должна проходить, по-нашему мнению, в окрестностях Самсуна.

ЛИТЕРАТУРА

1. Альбов Н. М. Ботанические экскурсии в Лазистан. Зап. Кавк. Отд. Р. Геогр. О-ва. 1893. Вып. XV.
2. Гроссгейм А. А. и Сосновский Д. И. Опыт ботанико-географического районирования Кавказского края. Изв. Тифл. Гос. Политехн. Инст. 1928. Вып. VII.
3. Кузнецов Н. И. Элементы Средиземноморской области в Зап. Закавказье. Зап. Р. Геогр. О-ва. 1891. XXIII. №3.
4. Колаковский А. А. Растительный мир Колхиды. МОИП. 1961. Вып. 10/ XXIII.
5. Малеев В. П. Растительность Причерноморских стран (Эвксинской провинции Средиземноморья), ее происхождение и связи. Изд. АН СССР, в кн. Геоботаника, М.-Л. 1940.
6. Шишкин Б. К. Ботанико-географический очерк Приморского склона Понтийского хребта. Закавказ. Краеведч. Сборник. 1930. Сер. А. 1.